

ВИКТОР БРЮХОВЕЦКИЙ

МЛЕЧНАЯ МЕЛЬНИЦА

* * *

Восходит солнце, на бугре садится,
Откидывает жаркую полу,
И золотым лучом, как тонкой спицей,
Проводит по оконному стеклу.

И в тот же миг окно течёт росой,
И мне уже не спится. Не до сна!
Я половицу шупаю босою
Ногой, и половица холодна.

Крыльцо дымится утренней влагой,
Озноб, входя неслышно под ребро,
И дрожью, и весёлою отвагой
Переполняет детское нутро.

А дом уже живёт, шумит и дышит.
Коня в оглобли пятят, ехать чтоб,
И, встряхивая шаль, на влажной крыше
Урчит сизарь и раздувает зоб.

Летит солома, взрытая щенками,
Отец седёлку на коня кладёт,
И кто-то осторожными руками
Меня берёт и через жизнь ведёт.

БРЮХОВЕЦКИЙ Виктор Васильевич — известный русский поэт, автор нескольких стихотворных книг. Живет в поселке Кузьмолово Ленинградской области.

* * *

По лезвию калёной стали
Стекла роса, и рассвело,
И кони у колоды встали
И задышали тяжело.
А на поляне, под берёзой,
В рассветной дымке голубой,
Задёрганный колхозной прозой,
С отвисшей мокрою губой
Стоял Гнедко. Не шевелился.
Один. Понур. Мослы... бока...
Казалось, он сюда явился
Из бронзы и стоит века,
Как памятник суровый быту,
Тоске, налитой по края,
Уздечке старенькой, копыту,
Косматым лентам из репья.

* * *

Вышняя вечная млечная мельница!
Что в ней качается, вертится, мелется?
В мельницу эту на звёздный лоток
Время течёт,
Вытекает песок.

К мельнице этой в начале погони
Я подошёл и подставил ладони:
— Жернов вселенский, кружись, не крошись!..
И натекло мне на целую жизнь.

С тем и пошёл я по жизни, сгорая,
Данное мне по крупнице теряя.
Кончилось поле, иду за межу,
Чуя ладонями, что ухожу.

ВСТРЕЧАЙ МЕНЯ, БАТЫЙ...

Который год сюда не дуют злые ветры,
Сюда идут стада — не воинская рать.
От Бийска до степей монгольских километры,
От сердца моего — всего рукой подать.

Я в горы поднимусь, я опущусь в долину,
Костёр поможет мне увидеть сотни лиц.
— Встречай меня, Батый! Я тоже ем конину,
И так же пью кумыс алтайских кобылиц.

Мы больше не враги, союз наш крепко смочен
Кровавою слезой близ русских берегов.
Мой узкий глаз остёр, но ножик мой заточен
Для мирного труда, не более того.

Семь прожитых веков для вечности ничто ведь,
Они ушли за край, распались в темноте.
Нам нечего делить, нам незачем злословить,
Земля уже не та, и мы с тобой не те.

Отстроена Рязань — не сдвинешь, не уронишь...
И нынче у шатра, где ем твоё и пью,
Я знаю: коль усну — ты мой кадык не тронешь,
И если ты уснёшь, тебя я не убью.

* * *

Я молодой поэт. Мне пятьдесят.
Пью молоко и сплю на сеновале.
Держу корову, пару поросят
И улы прячу на зиму в подвале.

А что! А почему бы и не жить!
Ходить в кирзе, промасленной фуфайке,
Рубить венцы, налимов потрошить,
По вечерам играть на балалайке,

Смотреть звезду, внимать иным мирам,
Грызть семечки не хуже маслобойки,
И квасом похмеляться по утрам
После весёлой дружеской попойки.

А иногда чинить карандаши,
Сдувать с тетради слой тяжёлой пыли,
Чтоб мысли о бессмертии души
Мою, ещё живую, не томили.

БАБУШКА

Бабушка в сквере. В пальто и берете.
С бабушкой рядом вязанье в пакете.
В пальцах мелькают тонкие спицы.
Смотрят на бабушку с ветки синицы,
Смотрят, гадают и не понимают:
Что это бабушка часто вздыхает!
Тонкие пальцы... Блестящие спицы...
Ну, до чего ж бестолковые птицы!
Бабушка вяжет для внуков. Заочно.
Бабушка носит посылки на почту.
Бабушка с почты посылок не носит...
Лето прошло, и кончается осень.
В парках повяла, пожухла трава...
Внуку — девятый, а внученьке — два.
Рядом чужие играют дети.
Бабушке зябко в пальто и берете.
Солнце лучами сквозь листья играет.
Бабушка вяжет и думу гадает:
“Может, приедут, внучаток покажут...”
Может, приедут...
И вяжет, и вяжет.